

ПОЛИНА ЛАГРАНЖ

БРИЛЛИАНТ
МАДАМ
ПОМПАДУР

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л14

© Nurlan Rakhmonkulov / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Редактор серии *Л. Латышова*
Дизайн обложки *Е. Тёриной*

Лагранж, Полина.

Л14 Бриллиант мадам Помпадур / Полина Лагранж. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-238366-3

Москва, 1829 год. Молодой поручик Алексей Полянский только начинает службу во Втором отделении жандармерии и сразу оказывается в центре скандала, о котором судачит весь город. Бульварная газета «Тайны Москвы» публикует сенсацию: у купца Василия Глызина хранится легендарный розовый бриллиант, когда-то якобы подаренный его предку самой маркизой Помпадур. Одной статьи оказывается достаточно, чтобы спокойный дом превратился в осаждённую крепость — к нему устремляются журналисты, авантюристы и охотники за лёгкой наживой. А затем купец бесследно исчезает.

Чем глубже Полянский погружается в расследование, тем отчётливее понимает: за красивой легендой о драгоценном камне скрываются измены, родственные предательства и опасная связь с женщиной, умеющей играть судьбами не хуже, чем в карты. Нити следствия тянутся всё дальше — через московские салоны и тёмные переулки к тайне, зародившейся во Франции времён Людовика XIV.

И вскоре поручику предстоит решить, где заканчивается служебный долг и начинается то, ради чего можно потерять честь, карьеру — и собственное сердце.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лагранж П., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-238366-3

Пролог

Герцогиня де Сен-Реми пробудилась в дурном расположении духа. Несмотря на то что время близилось уже к полудню, после вчерашнего бала в Версале, который она посетила по приглашению его величества короля Франции Людовика XIV, *блистательная* красавица чувствовала себя совершенно разбитой и опустошенной. Дело в том, что король порой — невольно, сам того не подозревая, или же, напротив, намеренно: кто знает?! — доверял герцогине свои сердечные тайны. Вот и вчера, на балу, грациозно выписывая фигуры менуэта, «король-солнце» как бы невзначай намекнул госпоже де Сен-Реми, что очарован своей кузиной, Генриеттой Английской.

Герцогиня оценила вкус его величества: действительно Генриетта Английская, двоюродная сестра французского короля Людовика XIV, дочь казненного английского короля Карла I и французской принцессы Генриетты Марии, была женщиной чрезвычайно активной, живой и остроумной.

Она всегда и везде появлялась в окружении самых элегантных кавалеров и самых красивых девушек и охотно приближала к себе талантливых поэтов и драматургов. Жизнь в ее свите буквально бурлила, радуя с утра до вечера различными увеселениями, будь то купание, охота, ловля бабочек или театральные представления.

Кроме того, кухня короля была еще и на редкость красива: высокая, стройная, грациозная брюнетка с нежно-розовой кожей и яркими голубыми глазами. Неудивительно поэтому, что «король-солнце» предпочитал проводить время именно в ее обществе, а уж никак не со своей набожной и тощей супругой — испанской принцессой Марией Терезией.

Попутно Людовик признался герцогине де Сен-Реми, что в молодости едва не женился на Генриетте, и даже выказал сожаление, что матримониальные и политические соображения помешали ему тогда воплотить эту мечту в жизнь.

Умная, проницательная интриганка герцогиня де Сен-Реми сразу же поняла, куда клонит его величество: она прекрасно знала, что Генриетта давно стала своего рода разменной монетой между французским и английским дворами. Даже ее брак с Филиппом Орлеанским, который предпочитал разгульный образ жизни, был по сути своей лишь фикцией.

В отличие от Филиппа, которому в силу собственных комплексов нравилось унижать и обижать Генриетту, Людовик XIV всячески старался утешить кухню, когда та тосковала по родине, и угодить ей. На

этом раз роман между королем Франции и красавицей принцессой развивался на глазах у всего двора.

Мария Терезия сочла себя оскорбленной и лично написала письмо Филиппу Орлеанскому, который не любил Версаль и предпочитал пребывать в своей парижской резиденции Тюильри¹ либо в имении Сен-Клу². Причем она ярко и во всех подробностях сообщила герцогу, чем занимается в Версале его супруга со своим кузенком, блистательным «рогоносец», если его вообще можно так назвать, счел себя оскорбленным и потребовал немедленного возвращения неверной супруги в Тюильри. Однако Генриетта, несмотря на то что тучи в Версале постепенно над нею сгущались, возвращаться под крыло герцога не торопилась.

Не удовлетворившись письмом Филиппу, Мария Терезия пожаловалась еще и своей свекрови, Анне Австрийской. Мария Терезия отлично знала, какое огромное влияние Анна Австрийская имеет на сына, и потому рассчитывала на ее поддержку.

Она не ошиблась. Между сыном и матерью состоялся нелицеприятный разговор, после которого Людовик достаточно долго пребывал в дурном настроении. Мария Терезия ликовала: соперница устранена! Увы, здесь она ошибалась... На самом

---

¹ Дворец примыкал к Лувру. До наших дней не сохранился. Считался резиденцией супругов Орлеанских.

² Поместье недалеко от Парижа, принадлежало герцогам Орлеанским. До наших дней не сохранилось.

деле Людовик просто обдумывал, каким образом продолжить встречи с Генриеттой, не вызывая при этом ревности жены и раздражения матери.

Выслушав короля, умудренная в амурных делах герцогиня де Сен-Реми, выписывая своими стройными ножками очередную замысловатую фигуру в танце, подала его величеству блестящую идею: Людовик должен сделать вид, будто увлекся совсем другой дамой, но — из числа фрейлин Генриетты! Разумеется, ему придется прилюдно оказывать «новой пассии» подобающие знаки внимания, возможно — даже приблизить к себе... Зато тем самым истинные любовники, Генриетта и Людовик, получают возможность встречаться и впредь, не вызывая более ревности Марии Терезии, гнева Филиппа Орлеанского и раздражения дражайшей матушки.

От гениальной простоты решения проблемы король пришел в восторг и тут же попросил герцогиню поспособствовать с поисками подходящей кандидатуры на роль новой «фаворитки». Госпожа де Сен-Реми мило улыбнулась в ответ, в душе уже сознавая, что дала королю несколько опрометчивый совет: увы, все фрейлины из свиты Генриетты были весьма привлекательны собой, и любая из них не только примет ухаживания короля с радостью, но и попробует вытеснить свою госпожу полностью. Для задуманной же интриги требовалась женщина совершенно иного склада. И таких при королевском дворе герцогиня пока не видела.

Именно поэтому она и проснулась на следующее после бала утро с головной болью и в совершенном изнеможении. Во время утреннего туалета герцогиня лихорадочно перебирала в уме всех знакомых дам подходящего возраста, но, увы, никак не могла вспомнить ни одной скромной и застенчивой по природе девушки, способной не претендовать на сердце короля, а лишь органично вписаться в задуманную интригу.

И вдруг герцогиню осенило: ну конечно же, ее дальняя родственница Луиза де Лавальер! Вот уж действительно подходящая кандидатура для фрейлины Генриетты, призванной исполнить роль «ширмы». Мало того что девушка родилась в провинции и потому скромна, непритязательна и стеснительна, так она еще вдобавок ко всему далеко не красавица и – самое главное! – хромоножка!

...Луиза де Лавальер родилась в Турени, в семье троюродного брата герцогини де Сен-Реми. С раннего детства девочка обожала лошадей. Она великолепно держалась в седле, ежедневно и в любую погоду совершала многочасовые конные прогулки, легко управлялась даже с молодыми необъезженными скакунами. К сожалению, именно это пристрастие к лошадям и привело в итоге к несчастью: в возрасте одиннадцати лет Луиза упала с коня, сломав ногу и повредив позвоночник. Правда, это печальное обстоятельство никак не повлияло на ее дальнейшую любовь к лошадям, однако сделало чрезвычайно застенчивой и замкнутой, явно сты-

дящейся своего физического недостатка. Теперь Луиза предпочитала уединение, сделалась не по возрасту задумчивой и молчаливой. Даже в одежде она начала придерживаться серо-белых тонов, не желая привлекать к себе излишнего внимания.

Госпожа де Сен-Реми попыталась припомнить, когда же последний раз видела Луизу. Судя по всему, почти шесть лет назад. Да-да, как раз после того прискорбного падения с лошади... Вняв мольбам своего обедневшего родственника и искренне пожалев девочку, она приехала тогда в Турень вместе с искусным лекарем. Увы, лекарь оказался бессилен: троюродная племянница обречена была остаться хромой на всю жизнь.

Герцогиня оживилась, головная боль отступила. Слуги принесли ей письменные принадлежности, и она тотчас принялась за написание письма своему троюродному брату в забытый богом Турень. В послании герцогиня настаивала, чтобы Луиза, как молодая девушка на выданье, немедленно прибыла к ней в Париж, обещая, в свою очередь, устроить ее судьбу.

Письмо троюродной тетушки вернуло Луизу, можно сказать, к жизни, ибо она, не надеясь более ни на какие мирские радости, приняла уже решение уединиться в самое ближайшее время в монастыре Босоногих Кармелиток. Окрыленная обещаниями знатной родственницы, девушка тотчас отписала ответ, в котором выразила свою безмерную благодарность, припомнив даже о печальном случае

шестилетней давности, когда «...вы, тетюшка, были столь добры, что не только навестили меня лично, но даже предоставили своего лекаря».

Отправив послание и упаковав весь свой нехитрый гардероб, Луиза простилась с отцом и отбыла в Париж, где ее с нетерпением дожидалась госпожа де Сен-Реми.

Интуиция не обманула прожженную интриганку — она увидела в прибывшей родственнице-провинциалке именно то, что ожидала: кротость, робость, подкупающую наивность и... хромоту, которую не скроешь ни одним, пусть даже самым шикарным, платьем. Спустя несколько дней госпожа де Сен-Реми заказала у одной из известных парижских модисток несколько весьма приличных нарядов для племянницы (теперь она называла Луизу «воспитанницей») и приступила к обучению девушки светским манерам. Увы, Луиза оказалась неважной ученицей — слишком уж простодушной для той утонченной хитрости, которая требовалась при дворе.

Этот факт все чаще приводил герцогиню в отчаяние. Ей становилось жаль и времени, загубленного на эту «серую мышку», как она за глаза прозвала свою воспитанницу, и немалой суммы денег, потраченной на ее содержание, а главное — герцогиня опасалась, что разочарует своим выбором короля. Людовик же, в свою очередь, все настойчивее требовал представить ему новую «избранницу», за которой, согласно искусно задуманному сценарию, ему предстояло ухаживать на глазах у всего двора и которая не должна

была вызывать у окружающих ни ревности, ни раздражения, а лишь снисхождение и сочувствие.

Когда отчаяние госпожи де Сен-Реми достигло апогея, она на свой страх и риск представила Луизу де Лавальер сначала Генриетте Английской. Та, увидев девушку, истинное воплощение скромности и наивности, тотчас пришла в неописуемый восторг и, отведя герцогиню в сторону, выразила благодетельнице безмерную благодарность, добавив, что эта юная особа — наилучшая «ширма» от ревности Марии Терезии и гнева Филиппа Орлеанского.

Герцог Орлеанский вскоре получил очередное послание от Марии Терезии, в котором та, не скрывая сарказма, поведала ему о новом увлечении своего супруга — на этот раз некой хромоножкой Луизой де Лавальер, над которой потешается весь Версаль. «Даже меня, супругу одного из самых красивейших мужчин Европы, — добавила Мария Терезия, — подобный адюльтер несколько не задевает». Филипп Орлеанский ликовал: его распрекрасная супруга унижена в очередной раз! И где?! — в Версале! И кем?! — собственным кузеном и бывшим любовником! После этого письма он не настаивал более на возвращении Генриетты в Тюильри.

Генриетта же наслаждалась покоем. Ей казалось, что зачислением Луизы де Лавальер в свою свиту она полностью застраховала себя и от упреков мужа, и от ревности Марии Терезии, и, разумеется, от из-

мен любвеобильного венценосного кузена. Однако с последним, увы, прекрасная принцесса жестоко просчиталась...

«Король-солнце» исправно играл свою роль, демонстративно оказывая Луизе должные знаки внимания. Девушка же всякий раз краснела и терялась, чем доставляла окружающим немалое удовольствие. Особенно это обстоятельство забавляло прекрасную Генриетту: подчас она едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться вслух.

На том достопамятном балу Людовик пообещал госпоже де Сен-Реми щедрое вознаграждение за оказанную услугу, поэтому вскоре после знакомства с Луизой приказал министру финансов Фуке выдать герцогине десять тысяч ливров. Подобная щедрость несколько озадачила Фуке — казна была практически пуста! Однако, попытавшись довести до сведения венценосной особы, что в королевстве существуют более важные задачи, нежели выплаты искусным интриганкам, навлек на себя гнев и немилость: Людовик заподозрил в расхищении государственных средств самого министра. Фуке уже и не рад был, что позволил себе излишнюю дерзость... По Версалию поползли слухи, что дни министра финансов сочтены.

Король и прежде неоднократно выражал недовольство тем, сколь неумеренно черпает Николя Фуке деньги из вверенной ему казны, тратя их на покупку себе земель, дворцов, произведений искусства и любовниц. Более того, Людовик давно уже по-

думывал избавиться от Фуке, столь ценимого Анной Австрийской и покойным кардиналом Мазарини. К тому же он не любил, когда подданные перечат его желаниям.

Изрядно занервничавший Фуке, опасаясь еще большего гнева короля, решил устроить в своем дворце Во-ле-Виконт роскошное празднество в честь его величества и приближенных к нему особ. Увы, с его стороны это стало очередным опрометчивым шагом, послужившим лишним подтверждением казнокрадства. Король, воочию увидев расточительность, непозволительную простому смертному, окончательно укрепился в своем решении: место министра финансов — в Бастилии.

Пока гостей развлекали актеры — по сцене порхали лесные нимфы, которых преследовали полуголые фавны, — явно заскучавший Людовик изъявил желание прогуляться по парковым аллеям и в сопровождении нескольких придворных покинул павильон. Удалившись от летнего театра на некоторое расстояние, он услышал приглушенные женские голоса, один из которых узнал несомненно, — голос принадлежал Луизе де Лавальер. Жестом отправив сопровождающих прочь, Людовик, осторожно ступая по траве и стараясь остаться незамеченным, направился к беседке.

Уютно уединившись с фрейлиной Орой де Монтале, Луиза делилась с новой подругой девичьими секретами, и в момент, когда «король-солнце» при-

близился к скрываемой боскетами¹ беседке почти вплотную, Луиза как раз признавалась, что любит в Людовике не Величество, а его самого... Король, растроганный услышанным, неожиданно почувствовал к этой «серой мышке» прилив нежности и... желания. Потихоньку, чтобы не смутить дам, он покинул свое укрытие и вернулся в театральный павильон.

К его величеству тут же подошла Генриетта Английская, однако Людовик встретил ее равнодушно-милостивой улыбкой. Проницательная женщина, заметив очевидную холодность любовника, осторожно поинтересовалась ее причиной, и король без обиняков сообщил, что влюбился во фрейлину, назначенную, по прихоти судьбы, прикрытием их романа. Генриетта почувствовала себя дурно и поспешила покинуть гостеприимный дворец Фуке.

От наблюдательного министра не ускользнула размолвка короля с Генриеттой. Фуке понял, что настал момент вернуть расположение короля, и быстро удалился в свои покои. Сняв с шеи заветный ключ, он открыл потайную дверцу за картиной, изображавшей полнотелую Данаю², и извлек из тайника небольшую бархатную коробочку. Фуке открыл ее и в последний раз взглянул на розовый бриллиант, полученный им несколько месяцев назад в качестве

---

¹ Боскет — декоративно подстриженный куст, имитирующий животных, архитектурные сооружения или различные геометрические формы.

² Дана́я — языческая богиня любви.